

БИЛИНГВА
BESTSELLER

БИЛИНГВА

BESTSELLER

WOMEN

Charles Bukowski

ЖЕНЩИНЫ

Чарльз Буковски

Москва
2018

ACKNOWLEDGEMENTS

Acknowledgment is made to the editors of City Lights Anthology № 4, First Person Intense, Hustler, and Rogner's Magazin, where some of these chapters originally appeared.

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарность выражается редакторам антологии «Огни большого города № 4», «Интенсива первого лица», «Хастлера» и «Рогнерз мэгэзин», где первоначально публиковались некоторые главы отсюда.

“Many a good man has been put under the bridge by a woman.”

— *Henry Chinaski*

This novel is a work of fiction and no character is intended to portray any person or combination of persons living or dead.

1

I was 50 years old and hadn't been to bed with a woman for four years. I had no women friends. I looked at them as I passed them on the streets or wherever I saw them, but I looked at them without yearning and with a sense of futility. I masturbated regularly, but the idea of having a relationship with a woman — even on non-sexual terms — was beyond my imagination. I had a 6 year old daughter born out of wedlock. She lived with her mother and I paid child support. I had been married years before at the age of 35. That marriage lasted two and one half years. My wife divorced me. I had been in love only once. She had died of acute alcoholism. She died at 48 when I was 38. My wife had been 12 years younger than I. I believe that she too is dead now, although I'm not sure. She wrote me a long letter each Christmas for 6 years after the divorce. I never responded...

I'm not sure when I first saw Lydia Vance. It was about 6 years ago and I had just quit a twelve year job

Сколько хороших мужиков оказалось
под мостом из-за бабы.

Генри Чинаски

*Этот роман — художественное
произведение, и ни один персонаж
не призван намеренно изображать
реальное лицо или сочетание реаль-
ных лиц, живых или же мертвых.*

1

Мне уже стукнуло 50, и в постели с женщиной я не был четыре года. Друзей-женщин у меня не водилось. Я смотрел на женщин всякий раз, когда проходил мимо на улицах или еще где, но смотрел без желания и сознавая тщетность. Дрочил я регулярно, но сама мысль завести отношения с женщиной — даже на несексуальной основе — была выше моего воображения. У меня имелась дочь 6 лет, внебрачная. Она жила с матерью, а я платил алименты. Я был женат много лет назад, когда мне исполнилось 35. Тот брак длился два с половиной года. Моя жена со мною разошлась. Влюблен я был всего один раз. Она умерла от острого алкоголизма. Умерла в 48, а мне было 38. Жена была на 12 лет моложе меня. Я полагаю, сейчас и она уже умерла, хотя не уверен. 6 лет после развода она писала мне длинные письма к каждому Рождеству. Я ни разу не ответил...

В точности не помню, когда впервые увидел Лидию Вэнс. Лет 6 назад, наверное, я только-только бросил

as a postal clerk and was trying to be a writer. I was terrified and drank more than ever. I was attempting my first novel. I drank a pint of whiskey and two six packs of beer each night while writing. I smoked cheap cigars and typed and drank and listened to classical music on the radio until dawn. I set a goal of ten pages a night but I never knew until the next day how many pages I had written. I'd get up in the morning, vomit, then walk to the front room and look on the couch to see how many pages were there. I always exceeded my ten. Sometimes there were 17, 18, 23, 25 pages. Of course, the work of each night had to be cleaned up or thrown away. It took me twenty-one nights to write my first novel.

The owners of the court where I then lived, who lived in the back, thought I was crazy. Each morning when I awakened there would be a large brown paper bag on the porch. The contents varied but mostly the bags contained tomatoes, radishes, oranges, green onions, cans of soup, red onions. I drank beer with them every other night until 4 or 5 am. The old man would pass out and the old lady and I would hold hands and I'd kiss her now and then. I always gave her a big one at the door. She was terribly wrinkled but she couldn't help that. She was Catholic and looked cute when she put on her pink hat and went to church on Sunday morning.

I think I met Lydia Vance at my first poetry reading. It was at a bookstore on Kenmore Ave., The Drawbridge. Again, I was terrified. Superior yet terrified. When I walked in there was standing room only. Peter, who ran the store and was living with a black girl, had a pile of cash in front of him.

службу на почте, где просидел двенадцать лет, и пытался стать писателем. Я был в ужасе и пил больше обычного. Пробовал писать первый роман. Каждую ночь за работой я выпивал пинту виски и две полдюжины пива. Курил дешевые сигары, печатал, пил и до зари слушал классическую музыку по радио. Я поставил себе целью десять страниц в ночь, но всегда только на следующий день узнавал, сколько написал на самом деле. Обычно я поднимался утром, блевал, потом выходил в переднюю комнату и смотрел на тахту — сколько страниц. Свою десятку я всегда превышал. Иногда там лежало 17, 18, 23, 25 страниц. Конечно, работу каждой ночи нужно было либо чистить, либо выбрасывать. На первый роман у меня ушла двадцать одна ночь.

Хозяева двора, где я тогда обитал, сами жившие на задворках, считали меня полоумным. Каждое утро, когда я просыпался, на крыльце у меня стоял большой коричневый бумажный пакет. Содержимое менялось, но обычно внутри лежали помидоры, зеленый лук, редис, апельсины, банки супа, красный лук. Довольно часто по ночам я пил с хозяевами пиво, часов до 4—5 утра. Старик отрубался, а старуха и я держались за руки, и я ее иногда целовал. В дверях всегда припечатывал ей по-настоящему. Она была ужасно морщиниста, но что ж тут поделаешь. Она была католичкой и выглядела очень славно, когда надевала розовую шляпку и воскресным утром отправлялась в церковь.

Я думаю, что познакомился с Лидией Вэнс на своем первом поэтическом чтении. Оно проходило в книжном магазине на Кенмор-авеню — в «Подъемном мосту». Опять-таки я был в ужасе. Надменен, но в ужасе. Когда я вошел, оставались только стоячие места. Перед Питером, управлявшим лавочкой и жившим с черной девчонкой, лежала куча налички.

«Shit,» he said to me, «if I could always pack them in like this I'd have enough money to take another trip to India!»

I walked in and they began applauding. As far as poetry readings were concerned, I was about to bust my cherry.

I read 30 minutes then called a break. I was still sober and I could feel the eyes staring at me from out of the dark. A few people came up and talked to me. Then during a lull Lydia Vance walked up. I was sitting at a table drinking beer. She put both hands on the edge of the table, bent over and looked at me. She had long brown hair, quite long, a prominent nose, and one eye didn't quite match the other. But she projected vitality — you knew that she was there. I could feel vibrations running between us. Some of the vibrations were confused and were not good but they were there. She looked at me and I looked back. Lydia Vance had on a suede cowgirl jacket with a fringe around the neck. Her breasts were good. I told her,

«I'd like to rip that fringe off your jacket — we could begin there!»

Lydia walked off. It hadn't worked. I never knew what to say to the ladies. But she had a behind. I watched that beautiful behind as she walked away. The seat of her bluejeans cradled it and I watched it as she walked away.

I finished the second half of the reading and forgot about Lydia just as I forgot about the women I passed on the sidewalks. I took my money, signed some napkins, some pieces of paper, then left, and drove back home.

I was still working each night on the first novel. I never started writing until 6:18 pm. That was when I used to punch in at the Terminal Annex Post Office.

— Вот говно же, — сказал он мне, — если б я всегда мог так их сюда напихивать, мне б еще раз на Индию хватило.

Я вошел, и они зааплодировали. В смысле поэтических чтений мне предстояло порвать себе целку.

Я читал 30 минут, потом попросил перерыв. Я еще был трезв и чувствовал, как на меня из темноты пристально смотрят глаза. Подошли поговорить несколько человек. Затем во время затишья подошла Лидия Вэнс. Я сидел за столом и пил пиво. Она возложила обе руки на край, нагнулась и посмотрела на меня. У нее были длинные каштановые волосы — приличной длины, — выдающийся нос, а один глаз не совсем сочетался с другим. Но от нее исходила жизненная сила — от такой не отмахнешься. Я чувствовал, как между нами побежали вибрации. Некоторые — замороженные и нехорошие, но все равно они были. Она посмотрела на меня, я посмотрел на нее. На Лидии Вэнс была замшевая ковбойская куртка с бахромой на вороте. Грудь у нее ничего. Я сказал ей:

— Мне бы хотелось содрать с вашей куртки бахрому — с этого мы могли бы начать.

Лидия отошла. Не сработало. Никогда не знаю, что говорить дамам. Ну и корма же у нее. Я наблюдал за этой прекрасной кормой, когда Лидия отходила. Зад джинсов обнимал ее, и я следил за этой женщиной, пока она отчаливала.

Я закончил вторую половину чтений и забыл о Лидии, как забывал обо всех женщинах, которых обгонял на тротуарах. Забрал свои деньги, подписал несколько салфеток, несколько клочков бумаги, потом поехал назад, домой.

Я по-прежнему работал каждую ночь над первым романом. До 6.18 вечера я никогда писать не садился. В это время я отмечался на проходной своего крыла

It was 6 pm when they arrived: Peter and Lydia Vance. I opened the door. Peter said,

«Look, Henry, look what I brought you!»

Lydia jumped up on the coffee table. Her bluejeans fit tighter than ever. She flung her long brown hair from side to side. She was insane; she was miraculous. For the first time I considered the possibility of actually making love to her. She began reciting poetry. Her own. It was very bad. Peter tried to stop her,

«No! No! No rhyming poetry in Henry Chinaski's house!»

«Let her go, Peter!»

I wanted to watch her buttocks. She strode up and down that old coffeetable. Then she danced. She waved her arms. The poetry was terrible, the body and the madness weren't.

Lydia jumped down.

«How'd you like it, Henry?»

«What?»

«The poetry.»

«Hardly.»

Lydia stood there with her sheets of poetry in her hand. Peter grabbed her.

«Let's fuck!» he said to her. «Come on, let's fuck!»

She pushed him off.

«All right,» Peter said. «Then I'm leaving!»

«So leave. I've got my car,» Lydia said. «I can get back to my place.»

Peter ran to the door. He stopped and turned.

«All right, Chinaski! Don't forget what I brought you!»

He slammed the door and was gone. Lydia sat down on the couch, near the door. I sat about a foot away from her. I looked at her. She looked marvelous. I was afraid.

терминала на почтамте. А они заявили в 6 вечера: Питер с Лидией Вэнс. Я открыл дверь. Питер сказал:

— Смотри, Генри, смотри, что я тебе привез!

Лидия запрыгнула на кофейный столик. Джинсы сидели на ней еще туже. Она мотала длинными каштановыми волосами из стороны в сторону. Она была безумна; она была дивна. Впервые я задумался, не заняться ли с ней любовью. Она принялась читать стихи. Свои. Это было очень плохо. Питер пытался ее остановить:

— Нет! Нет! Никаких рифм в доме Генри Чинаски!

— Да пусть читает, Питер!

Я хотел поглядеть на ее ягодичы. Она расхаживала взад-вперед по старенькому кофейному столику. Затем пустилась в пляс. Она размахивала руками. Поэзия была ужасна, тело и безумие — отнюдь.

Лидия спрыгнула.

— Как тебе понравилось, Генри?

— Что?

— Поэзия.

— С трудом.

Лидия замерла со своими листиками стихов в руке. Питер ее облапал.

— Давай поебемся, — сказал он ей. — Кончай, давай поебемся!

Она его оттолкнула.

— Ладно, — сказал Питер. — Тогда я уезжаю.

— Ну и вали. У меня своя машина, — ответила Лидия. — Я к себе и сама доберусь.

Питер подбежал к двери, остановился и обернулся:

— Ладно, Чинаски! Ты не забывай, что я тебе привез!

Он хлопнул дверью и был таков. Лидия присела на тахту, поближе к двери. Я сел примерно в футах и посмотрел на нее. Выглядела она великолепно. Я боял-

I reached out and touched her long hair. The hair was magic. I pulled my hand away.

«Is all that hair really yours?» I asked. I knew it was.

«Yes,» she said, «it is.»

I put my hand under her chin and very awkwardly I tried to turn her head toward mine. I was not confident in these situations. I kissed her lightly.

Lydia jumped up.

«I've got to go. I'm paying a baby sitter.»

«Look,» I said, «stay. I'll pay. Just stay a while.»

«No, I can't,» she said, «I've got to go.»

She walked to the door. I followed her. She opened the door. Then she turned. I reached for her one last time. She lifted up her face and gave me the tiniest kiss. Then she pulled away and put some typed papers in my hand. The door closed. I sat on the couch with the papers in my hand and listened to her car start.

The poems were stapled together, mimeographed and called HERRRR. I read some of them. They were interesting, full of humor and sexuality, but badly written. They were by Lydia and her three sisters — all so jolly and brave and sexy together. I threw the sheets away and I opened my pint of whiskey. It was dark outside. The radio played mostly Mozart and Brahms and the Bee.

2

A day or so later I got a poem in the mail from Lydia. It was a long poem and it began:

Come out, old troll,
Come out of your dark hole, old troll,

ся. Я протянул руку и коснулся ее длинных волос. Они были волшебны. Я отдернул руку.

— И все эти волосы в самом деле твои? — спросил я. Я знал, что так оно и есть.

— Да, — ответила она, — мои.

Я взялся рукой за ее подбородок и очень неумело попробовал повернуть ее голову к себе. Я никогда не уверен в таких случаях. Я слегка ее поцеловал.

Лидия подскочила:

— Мне надо идти. Я плачу няньке.

— Послушай, — сказал я, — останься. Заплачу я. Останься на немного.

— Нет, не могу, — ответила она. — Идти надо.

Она пошла к дверям, я следом. Открыла дверь. Потом обернулась. Я потянулся к ней еще один, последний раз. Она запрокинула голову и выделила мне крохотный поцелуй. Затем отстранилась и вложила какие-то машинописные листки мне в руку. Дверь закрылась. Я сел на тахту с бумагами в руке и стал слушать, как заводится ее машина.

Стихи были скреплены вместе, откопированы и назывались «ЕЁЁЁЁ». Я прочел несколько. Интересны, полны юмора и чувственности, но плохо написаны. Авторы — сама Лидия и три ее сестры, все вместе — такие задорные, такие храбрые, такие сексуальные. Я отбросил листики и раскупорил пинту виски. Снаружи было темно. Радио играло в основном Моцарта, Брамса и Бе.

2

Через день или около того по почте пришло стихотворение от Лидии. Длинное и начиналось так:

Выходи, старый тролль,
Выходи из темной норы, старый тролль,